

УДК 947 (470.11) + 39 (470.11)
DOI: 10.17223/19988613/58/22

А.Б. Пермиловская

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДНОСТЬ СЕВЕРНОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания по научной теме № 0409-2018-0147 «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики».

На основе 34 архитектурно-этнографических экспедиций, архивных и музейных источников проанализированы строительные традиции и плотницкое мастерство северного деревянного зодчества. По мнению автора, в XVII–XIX вв. на Русском Севере сформировалась уникальная строительная культура, включавшая в себя технические и художественные способы обработки дерева. Делается вывод, что семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Севера оберегали свои сакральные ценности. Большое значение для строительства имел выбор деревьев, он определялся бытовыми, прагматическими свойствами в сочетании с мифопоэтическими и христианскими представлениями о жизни как конкретного человека, так и социума.

Ключевые слова: строительная обрядность; плотницкое мастерство; священные деревья; Русский Север; Арктика.

История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Европейского (Русского) Севера. В исследовании автор исходит из синонимического значения: Русский и Европейский Север [1. С. 57–59]. Арктическое побережье, с древних времен заселенное русскими поморами и коренными малочисленными народами Севера, входит в состав Русского Севера. В рамках данного исследования нужно оговорить, что в современной науке при определении южных границ Арктики учеными наряду с политико-правовым и административным подходами широко используются также физико-географический, биоклиматический, культурно-этнический подходы. Согласно Указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 Российская Арктика включает следующие территории Архангельской области: Мезенский, Приморский, Онежский районы, Новую Землю, города Архангельск, Новодвинск, Северодвинск. Поморская культура – русский вариант морской культуры в Арктике [2].

«Страной зодчих» называл Русский Север И.Э. Грабарь. Эта метафора точно характеризует высокую крестьянскую строительную культуру. «Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм – словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа. И если бы у кого-нибудь могло возникнуть сомнение насчет возможности приписывать эти свойства народу, среди которого работало так много иностранцев, то достаточно указать на Русский Север с его деревянным зодчеством, созданным исключительно русскими мастерами. Самобытность его форм не может вызывать никаких сомнений... И до сих пор дерево там единственный строительный материал, и поэтому на Русском Севере можно составить себе несравненно более близкое представление о внешнем

облике деревянной Руси былых времен, нежели в центральных губерниях, в которых дерево давно уже вытеснено камнем. Человек, бывший на Севере, ездивший по Северной Двине, Онеге, Мезени или по Олонецким озерам, на всю жизнь сохраняет воспоминание об этих сказочно прекрасных церквях-грезях, поднимающихся то тут, то там среди густого елового леса» [3. С. 4–11].

Издавна на Руси плотничать умел каждый крестьянин. Древесина была универсальным материалом. Сосна, ель, лиственница, осина – каждая порода обладала присущими только ей свойствами и особенностями, цветом, строением, которые хорошо знали и учитывали при обработке мастера. В дело шла не только древесина, но также луб, корни, кора молодой берёзы – береста. Народные зодчие ценили качества древесины как строительного материала, ее обилие и дешевизну, способность сохранять в доме тепло, сравнительную долговечность и, наконец, «спорость» – возможность возводить деревянные строения в короткие сроки и практически в любое время года. Конечно, век деревянных строений был короче, чем каменных, жилые постройки стояли не более 200 лет, культовые – 400 лет. Плотницкое ремесло требовало больших знаний, опыта и таланта. При строительстве мастера обходились небольшим количеством инструментов, основным из которых был топор. Топором плотник мог сделать практически все, недаром говорились: «Дай крестьянину топор, и он починит даже часы».

Большое внимание семантическому статусу топора в жизни северного крестьянина уделено в русской фольклорной традиции, в частности в пословицах и поговорках В.И. Даля: «Без топора не плотник, без иглы не портной. С топором весь свет пройдеши. Топор всему голова» [4. С. 784]. Поэтому не случайно плотников в Древней Руси называли «рубленниками». Именно это название использовалось для определения роли искусных новгородских ушкуйников, которые

были не только воинами и торговцами, но и замечательными плотниками. Высокая плотницкая культура Русского Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода. Уже в начале XI в. новгородские «топорные» плотнические артели славились на всю Русь. В Новгородской летописи 1016 г. зафиксирован эпизод при встрече ратей: «...воевода Святполчъ именем Волчий хвост езда подле реку, укоряти нача новгородци: почто прийдосте с хромчем тем? А вы плотнице суще, а пиставим вы хором рубити» [5. С. 22–23].

Даже в XIX в. топором производилось около 90% всех строительных работ: тесались бревна, вырубались в них чаши для связи конструкций сруба, тесались доски кровли, которые так и назывались «тес», а также выполнялись декоративные элементы. Форма древнерусского топора сохранилась до XIX в. Плотницкий топор имел широкое овальное лезвие и по конструкции напоминал секиру. Топорище – длинное и прямое, на конце утолщенное, чтобы не выскальзывало из рук. Длина топорища зависела от роста плотника и поэтому была различной [6. С. 7–9]. В архивных материалах XVII в. можно встретить описание различных типов топоров: «широких», «мастерских», «дровосечных» для рубки дров. По размерам их подразделяли на «большой», «средней» и «малой руки», а по форме все топоры были примерно одинаковыми [7. С. 46, 48]. При строительстве использовали только рубленый, а не пиленный лес, хотя пила на Руси была известна с глубокой древности.

В документах XVI–XVII вв. сведения об употреблении ручных пил встречаются довольно часто, распиловка бревен в то время называлась «перетиркой» дерева. Использовались пилы «большие», «одноручные», «двуручные». Однако этот инструмент не получил широкого распространения, так как давно было замечено, что пиленые доски и бревна легко впитывают влагу, быстрее разбухают и гниют. Рубленые конструкции были долговечнее: от удара топора поры бревна становились как бы закупоренными. Отсутствие пилы в строительной культуре можно проследить повсюду. Выходящие концы бревен не отпилены, а обрублены, но обрублены так мастерски, что на первый взгляд они кажутся отпиленными. Между тем поперечная рубка, т.е. перпендикулярная слою дерева, самая трудная. Все брусья и доски галерей, крылец, а также косяки окон и дверей, доски потолка, пола и крыши обтесаны одним топором. Приготовить из срубленного бревна простую доску составляло немалый труд, нужно было посредством клиньев расщепить бревно на слои и затем обтесать каждый слой со всех сторон. Слово «тес» нужно понимать в буквальном смысле, да и слово «доска» происходит от одного корня: «дска, тска, цка» [8. С. 171].

Кроме топора в набор плотницких инструментов входили скобель для ошкуживания бревен, тесло для выемки пазов, долото и просека для пробивания отверстий в бревнах и брусках. При строительстве использовали также молоток, кувалду, циркуль и черту. Применявшийся в деревянном зодчестве инструмент был хорошо закален и наточен. Употребляли также довольно разнообразный ассортимент гвоздей и ско-

бяных изделий. Но их стоимость была довольно высока, поэтому крестьяне применяли деревянные гвозди – «нагели», или использовали минимальное количество железных гвоздей.

С конца XIX в. кроме перечисленных инструментов в крестьянском строительстве для ошкуживания бревен и досок стали применяться рубанок, фуганок и др. На рубеже XIX–XX вв. прослеживается различие между инструментами рядового плотника и квалифицированного мастера, который работал по строительным подрядам. Последний наряду с плотницкими работами выполнял более тонкую столярную отделку, декоративное убранство крестьянских домов [1. С. 124–125].

«Деревянное зодчество растет и развивается в лесной стране, а таковой издревле и поныне является Русский Север. Обитатели этого края с малых лет знакомились с плотницким делом» [3. С. 336]. Северные плотники не знали себе равных по мастерству. Об этом свидетельствует то, что их приглашали для работы в столицу и другие города России. В 1724 г. «приехал на Двину к городу Архангельскому для набора плотников капитан Преображенского полка». В 1712 г. Петр I вызвал из Архангельска 250 лучших плотников. Среди северных плотников лучшей славой специалистов своего дела пользовались плотники Двины, Ваги, Каргополья, Мезени, Сольвычегодска, Вятки. Уже с XVI в. существовали артели плотников, которые подражались на различные работы. Многие деревенские плотники, например из Тотемского уезда, готовили срубы изб и детали построек для продажи и сплавляли их в города на плотах. На торжках и ярмарках продавались целые дома, а также «курицы», «скала» (береста), «дранницы» (дранка) [9. С. 58–70].

Уже в Древней Руси существовали специальные «щепные базары», где продавали в разобранном виде дома, амбары, бани. Эта традиция сохранялась на Русском Севере, где плотническое мастерство и строительная обрядность имели глубокий культурный смысл с явным сакральным вектором.

Заготовки для домов продавались на ярмарках. Все бревна были плотно пригнаны друг к другу, оставалось лишь собрать их на новом месте и проконопатить, что занимало не более двух дней. Мох для конопатки срубов, измерявшийся связками и возами, продавался здесь же. В лесном ряду можно было приобрести и отдельные части зданий: потоки, дверные и оконные колоды, декоративные элементы.

О высоком уровне организации плотницких работ свидетельствует также распространение на Руси «обыденных церквей», т.е. церквей, строившихся по обету «во один день». Подобный подход к строительству заключал в себе глубокую сакральную семантику. Обыденность несет в себе временную ограниченность: на изготовление определенного предмета (чаще всего им выступало полотенце) отпускается один день или одна ночь. Среди этих ритуальных символов особое значение в контексте нашего исследования имеет строительство «обыденных» храмов и часовен. От начала их постройки и до освящения должны пройти только один день и одна ночь (одни сутки), но с соблюдением всего технологического процесса.

В семантике «обыденности» заложен признак спрессованного времени. В знаковости временной шкалы основными являются макроединицы – век, год, день. Именно такое время занимают описанные тексты или воспроизводимые в ритуале события. Однако в реальности текста и ритуала время спрессовывается в масштабе «день за год». Это характерно для магических ритуалов охранительного характера. Компрессия времени является главным магическим приемом действий по изготовлению обыденных, в один день или одну ночь, предметов – полотна, рубахи, полотенца, креста, часовни, храма [10, С. 109–110, 126.]. «В севернорусской народной медицине используются и другие обыденные вещи, например пиво, творог» [11. С. 100.].

Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет. Конечно, это требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма / часовни и, возможно, его относительную недолговечность. Позднее такие деревянные «обыденные» храмы заменялись каменными с сохранением названия «обыденный». Д.К. Зеленин называет этот обычай чисто историческим: «Но живые свидетели, обязанные ему своим существованием, стоят целы и невредимы до наших дней и служат нам живой летописью. Таковы “Илья Обыденный” в Москве, Спасопробоинский обыденный храм в Ярославле, “Спас Обыденный” в Вологде, “Екатерининская обыденная церковь” в селе Екатерининском, что на реке Вятке, в Слободском уезде Вятской губернии... Величина указанной вятской церкви около полутора квадратных сажень; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками» [12. С. 1–20.].

Техническая возможность скоростного строительства обыденных церквей и часовен свидетельствует о высоком уровне плотницкого мастерства на Руси. В военное время строительство деревянных оборонительных сооружений могло занимать один месяц. Примером этому служит постройка во время войны с Казанским ханством деревянного города Свияжска с крепостными стенами, башнями, церквями. Для этого зимой 1550–1551 гг. в лесах вблизи города Углича была произведена заготовка и пробная сборка этого деревянного города-крепости. Затем все части были тщательно помечены, в разобранном виде сплавлены на плотах по Волге за 1 000 км от города Углича к устью р. Свияга. Здесь на территории 150 га в течение четырех недель совершенно неожиданно для татар были воздвигнуты укрепления для наступательных операций русских войск при взятии Казани.

В XIV в. в течение нескольких месяцев ставились огромные деревянные кремли в Москве, Серпухове, Твери. На Русском Севере, в низовьях Северной Двины, мы находим примеры «путешествующих» деревянных церквей: из д. Орлец в Панилово перевезли Никольскую церковь; в начале XVIII в. в Кузнечевской слободе Архангельска собрали две гарнизонные церкви, вывезенные из с. Холмогоры; в середине XVIII в. из Холмогор продали церковь в с. Конецдворье. Домик Петра I в Архангельске несколько раз «менял прописку», пока не был включен в состав музея

Коломенское. Своеобразная «монтажность» бревенчатых срубов не только делает возможной перевозку деревянных построек, но и всемерно облегчает ее техническую сторону. Подтверждением этому является успешное путешествие в 1973 г. деревянной Михайло-Архангельской часовни из Кировской области в Париж: разобранная на родине и собранная на Елисейских полях под руководством известного архитектора Б.В. Гнедовского деревянная часовня стала ведущим экспонатом международной выставки, после чего успешно возвратилась на родину [13. С. 71–72.]. Создание значительного количества музеев под открытым небом также стало возможным за счет удивительной монтажности деревянных построек.

Конструктивно деревянные сооружения представляли срубную систему. Бревна связывались между собой в венцы. Наибольшее распространение получили типы рубок: «в обло» – с остатком на концах (это наиболее архаичный и простой способ соединения), «в лапу» – без остатка на конце сруба, такой способ появился в более позднее время, был более экономичен. Последний способ использовался чаще при строительстве культовых построек. На Русском Севере повсеместно получила распространение безгвоздевая конструкция кровли «по потокам и курицам». Минимальное количество гвоздей использовалось для прибивания декоративных досок – причелин, полотенца, наличников.

В XVII–XIX вв. на Русском Севере сформировалась высокая строительная культура со своими техническими и художественными способами обработки дерева. Строительные традиции в культовом зодчестве достигли своего расцвета в XVII–XVIII вв., в гражданской архитектуре к середине–концу XIX в. Высокая строительная культура Русского Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода.

В традиционной культуре дерева, используемые для строительства, имели особый сакральный статус. Семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Русского Севера оберегали свои сакральные и ритуальные ценности и своеобразие традиционной народной культуры, ее связь с окружающим миром. Дерево – один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий ее пространственный и временной образы.

Мировое дерево (древо жизни) в славянской мифологии – мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. Крона мирового дерева достигает небес, корни – преисподней. В заговорах мировое дерево помещается в центре мира, на острове посреди океана («пуповине морской»), где на камне Алатыре стоит «булатный дуб» или другое священное дерево: кипарис, береза, яблоня. Мировое дерево соединяет и воплощает не только пространственные (вертикальные и горизонтальные), но и временные координаты мира. Например, загадка «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда» отражает год, 12 месяцев, 4 недели [14. С. 299–300.].

В традиционной культуре образ дерева использовался в свадебном и похоронном обрядах, при возве-

дении нового дома – в обряде строительной жертвы (обрядовое дерево помещалось в центр планируемой постройки) вплоть до позднейших обычаев устанавливать рождественскую новогоднюю елку и др. [14. С. 300]. Следы культа деревьев можно обнаружить в Библии: «И насадил Авраам при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа. Бога вечного» [15. С. 62]. Дерево в традиционной картине мира выступает в функции универсального медиатора, посредством которого человек (бог, святой, демон, смерть, душа, хтоническое существо) попадает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир, на тот свет [14. С. 133].

Существует корпус исторических преданий и легенд о выборе места для храма на Русском Севере. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семiotичности. Религиозно-мифологическая семантика выбора места строительства храма с помощью священного животного (коня), дерева и иконы отражена в легендах об основании церквей в д. Владимирской и д. Паданы (Карелия). «*Крестьяне д. Владимирской долго бесплодно спорили о месте, где поставить церковь. Не раз сходились они для обсуждения этого вопроса и не раз расходились с враждою в сердце друг против друга. И этому не было бы конца, если бы неожиданно не появился созревший на этот случай в чьей-то крестьянской голове такой план: запрячь молодого неезженого жеребца в сани, направить в лес, вырубить там строевое дерево, положить дерево на сани и пустить жеребца на свободу: где он остановится – на том месте и быть церкви*». В д. Паданы Медвежьего района Карельской АССР «*...лошадь запрягали на дровни, на дровни клали бревно, ставили икону и пустили лошадь, а где она встала, там и церковь строили*» [16. С. 41].

Большое значение для строительства дома имел выбор деревьев не только в практическом, но и в сакральном значении. Существовали деревья, которые нельзя было использовать для строительства. К ним относилась большая группа «священных деревьев». Священными считались как отдельно стоящие деревья, так и целые «священные рощи», особенно часто встречаемые на Русском Севере. Они росли на месте разрушенной церкви, часовни или на кладбище [17. С. 28]. Священные рощи как культовые места сохранились в XIX–XXI вв. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой помимо деревьев находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, дерево с явленной на нем иконой, целебный источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен. Рощи считались неприкосновенными. В такой священной роще нельзя было не только рубить деревья, но и просто сломать ветку, а нарушивших запреты

настигали наказания, рассказы о которых формировали корпус местных легенд.

В Ошевенской слободе Каргопольского района сохранился ряд священных деревьев, которые расположены у источников; как правило, это были деревья с какими-либо аномалиями. Например, на берегу оз. Валдово стоит раздвоенная сосна, на которой развешана одежда; по существу, это дерево выполняло функции обетного креста и несло человеку избавление от болезней [18. С. 15].

Сакральный статус имели некоторые «придорожные» деревья и рощи. Многие из них отмечали границу своей территории, располагаясь за околицей селения, у дороги или на перекрестке дорог. В Заонежье и на Каргополье у развилки и перекрестков стояли «дорожные» деревья, преимущественно сосны и ели, с которыми были связаны особые верования и обряды. Дорожная сосна у начала большой дороги за д. Мягрозера – это старое дерево с дуплом, в котором находился крест, а прежде была икона. Помолвившись, путники оставляют в дупле монеты или тряпочки или развешивают куски материи на ветвях сосны [19. С. 275; 20. С. 64]. У дороги на Почозера Плесецкого района (Кенозера) стоит большая многоствольная «придорожная» сосна с обетными приношениями. Деревья в некоторых регионах сажали у дорог по случаю рождения ребенка. На Кенозере зафиксирован обычай – сажать ель, если родится мальчик, иву – если девочка. Деревьям рябины и можжевельника («вереса») поверья приписывали особое свойство открывать человеку дорогу, выводить из леса, когда заблудится.

Запрет что-нибудь брать у священных колодцев, деревьев, камней, часовен мотивировался неминуемым наказанием за святотатство. Старые большие деревья, растущие в деревнях или в непосредственной близости от них и почитаемые неприкосновенными, служили местом сбора во время больших празднеств. Здесь водили хороводы и устраивали игры, жгли обрядовые костры, отсюда начинались обрядовые процессии и ритуальные обходы дворов.

К специфической категории следует отнести так называемые «буйные» деревья. «Им приписывались особые свойства – разрушительная сила, скрытая и тайная, угадать и указать которую могут лишь одни колдуны. Такое дерево, с корня срубленное и попавшее между двумя бревнами в стены избы, без всяких причин рушит все строение и обломками давит насмерть неопытных и недогадливых хозяев. Даже щепка от таких бревен, положенная со зла лихим человеком, ломает и разрушает целые мельницы» [21. С. 287]. По отношению к «буйным» деревьям существенными для их смысла могли оказаться такие значения слова «буй», как «церковная ограда», «кладбище», «межа», «грань» [22. С. 41–43], «погост», – место, где стоит церковь, с пониманием их общей негативной семантики как границы.

К «буйным», нечистым деревьям относилась осина. Природные свойства осины, ее практическая непригодность, а также тяготеющее над ней проклятие (по христианскому преданию на осине повесился Иуда-предатель) немало способствовали своеобразному

«избранничеству» этого дерева в славянской и русской традиционной культуре и фольклоре. На Русском Севере в большом почете у пастухов были осиновыя барабаны, звуки которых в лесу помогали пастуху держать все стадо поблизости и при необходимости быстро собрать его. Для изготовления такого барабана выбирали осину из самых густых зарослей на болоте; делали барабан ночью при свете костра, разведенного из осиновых поленьев. Считалось, что использование осинового барабана угодно лешему и другой нечистой силе, обитающей в лесу и на болотах. Это скрепляет договор пастуха с лешим и одновременно усиливает магические свойства самого инструмента. При таком отношении к осине становятся понятными касающиеся ее бытовые предписания и запреты. «Грешное» дерево запрещалось вносить в дом и даже сажать вблизи человеческого жилья, иначе в нем поселятся черти и будут буйствовать. В доме внезапно станет биться посуда, будут слышаться беспричинные звуки, буря снесет крышу, из стен начнут выпадать бревна [23. С. 116]. Запрещалось использовать при строительстве, рубить очень старые деревья, которые, по поверьям, должны были умереть своей смертью. Непригодным считалось дерево, на котором ворон свил гнездо, и любое бревно с места пожара (для предохранения будущего дома от пожара) [24. С. 80].

На Русском Севере в XIX – начале XX в. существовала традиция не сажать деревья около дома. Местные жители считали, что ветви деревьев закрывают окна избы от солнца, т.е. от тепла и света, которые так ценились на Севере.

Кроме того, ради благополучия дома и его обитателей существовал обычай, запрещающий сажать деревья вблизи дома, чтобы не вымерла семья: «...у дома куст – настоится дом пуст» [14. С. 118]. Также в этом ритуальном контексте нужно сказать о другом запрете, связанном с деревьями, который получил распространение в средней полосе России, а позднее и на Севере, – не использовать при строительстве дерева, выращенные человеком и находящиеся в пределах усадьбы. Дерево, посаженное около дома, воплощает идею непрерывности рода, как и сам дом: если что-то одно перестает существовать, другой объект отчасти компенсирует утрату.

К малоизученным явлениям культуры прибалтийско-финских народов относится феномен дерево-знака «карсикко». Сам термин происходит от карельского *karsie* – «обрубать ветки, карзать». Карсикко – это преимущественно хвойное дерево с ветками, обрезанными определенным образом. У него обрублена вершина, после чего на хвойном дереве, как правило, вырастает две или три верхушки. Дерево имеет затесанный или зарубленный ствол. Затес может быть площадкой, поверхностью, на которой вырезаются другие знаки, например родовые или семейные клейма, знаки собственности, инициалы и даты. Или же зарубка может иметь свою форму: изображение человеческого лица, птицы.

Дерево-знак карсикко делали по десяткам поводов – от смерти родственника до удачной рыбалки и охоты. В местах погребения появлялись целые рощи обруб-

ленных деревьев. Карелы приходили туда поклониться духам предков, а заодно приносили разные жертвенные подношения. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой обрядности как символ духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась мирового дерева с функциями оберега и медиатора между мирами, маркируя сакральные границы.

По мнению ведущего специалиста по этой теме А.П. Конкка, это явление фиксируется в финно-карельском пограничье, в таежной зоне от Северной Швеции и Норвегии до Уральских гор и генетически восходит к культуре финно-угорских сообществ лесных охотников и рыболовов. Экспедиционными исследованиями были зафиксированы сходные явления на Верхней Вычегде и Мезени. В Архангельской области это районы НП «Кенозерский» (Плесецкий район). В Котласском и Вилегодском районах были собраны данные по корсикко у русского населения на «святых» местах и обнаружена развитая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и в церковных рощах. А.П. Конкка во время экспедиционного обследования зафиксировал это явление у южных вепсов, тихвинских карел (Ленинградская область), в арктической культуре поморов Поморского, Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря [25. С. 10]. Нанесение знака, метки, изменение природного состояния объекта переводит карсикко в область культуры. Здесь проявляется адаптивная функция традиционной этнической культуры (финно-угорской, севернорусской) обеспечивать приспособление человека к окружающей среде, выполняя защитно-сакральную миссию. Карсикко делается в ситуациях кризиса, нарушения обычного хода и состояния вещей. Карсикко кроме защитной и охранной функции одновременно выполняет роль медиатора между мирами.

Например, в похоронной обрядности «дерево-знак служило местом привязки бродячей души умершего, местом ее обитания и одновременно инструментом для ее будущего возрождения» [Там же. С. 16]. В связи с пограничным характером дерева-карсикко (дерево как знак границы) выделяется несколько территориальных локусов для его местоположения: «гора, мыс, остров, линия берега, опушка леса, надпорожье, росстань, лесная (промысловая) изба, кладбище и его окрестности, отдельное захоронение, жертвенная роща, культовое место (например, территория «священного» родника) [Там же. С. 14].

На этих культовых местах, кладбищах в попытке нейтрализации православием сакральной силы языческих символов могли быть поставлены и деревянные кресты. Во время экспедиционного обследования уникального исторического поселения с. Кимжа Мезенского района (2004–2007) автором исследования было обнаружено и введено в научный оборот именно такое сакральное место. Оно находится в районе кладбища в Белой Виске. «Виска» означает протоку между озерами, в данном случае это расстояние между Белым озером и р. Кимжа. Это сакральное место для жителей Кимжи. Здесь протекает Чертов ручей. «Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то

дьяволица виделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест» (рис. 1) [26].

Крест «спрятан» между старыми елями и не виден с расположенной рядом дороги. С одной стороны – лес, с другой – сенокосные угодья. В качестве места установки выбрана необычная многоствольная ель с четырьмя стволами и обрубленными нижними ветками. Автором была зафиксирована именно такая ель в 2004 г. В настоящее время осталось два ствола, остальные высохли и аккуратно обрезаны. Между ними расположен крест без перекладины, вероятно, она была утрачена. Крест традиционной восьмиконечной формы, выкрашен в красный цвет и имеет характерные для православной культуры Русского Севера, надписи. Здесь находятся приношения: монетки, конфеты, к веткам дерева привязаны разноцветные тряпочки. Воду из ручья использовали для лечения маленьких детей [27. С. 307–309].

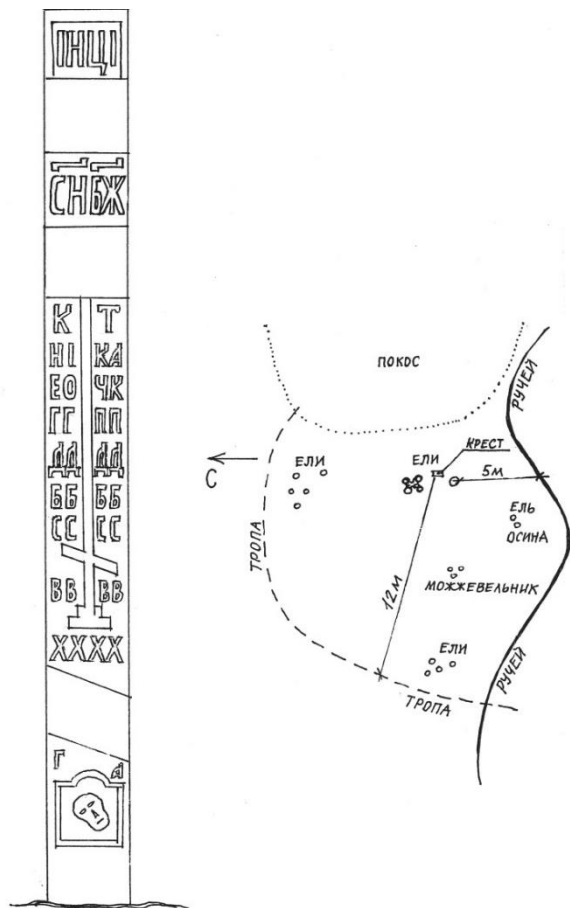

Рис. 1. Крест в сакральном месте вблизи Чертова ручья

Широта ритуально-символической парадигмы священных, буйных, придорожных деревьев, деревьев-знаков - карсикко, различные формы и способы обработки дерева связаны, прежде всего, с мифологическими представлениями о дереве и его роли в жизни человека. Отдельной темой исследования может стать взаимоотношение карсикко к жертвенным, священным деревьям и рощам. А также дальнейшим формам их существования (обетные и намогильные кресты, часовни, священные камни, источники и др.).

Пространство, осененное христианской святыней (крестом, часовней, церковью), считалось святым и поэтому относительно безопасным для человека. В Мезенском и Пинежском культурном ландшафте значительная часть крестов и часовен расположена на окраинах поселений, в непосредственной близости к лесу. Тем самым срабатывала инерция культурной традиции нейтрализовать опасное место путем возведения христианской святыни [28. С. 187]. Например, идентичная ситуация сопровождала постановку обетного («обетного») креста в д. Лавела Пинежского района. «У нас по дороге в Лавелу в одном месте все пугало. Дьявол человеком покажется и заставит молотить: кичигу в руки даст и хлеба нет, а молотишь. Многие видели. И вот дали ответ: «Поставим крест на этом месте и будем ходить к нему с молебнами». И что ты думаешь? Тихо стало. А потом крест убрали, и опять дьявол объявился. Хошь верь, хошь не верь, а че-то есть» [29. С. 66].

В свете особенностей ментальности крестьянства Русского Севера необходимо также рассматривать устойчивые метафоры, отражающие ценности народного самосознания. «Мера и красота» – эта метафора характеризует единство усилий в борьбе за материальное начало и торжество духа в Древней Руси. Эту сопряженность материального и духовного лучше всего демонстрируют два предмета, традиционно присутствующие в каждой крестьянской избе: топор и икона. Культурные смыслы народной архитектуры, найдя

отражение в плотницком мастерстве, коснулись сакрализации как самого ремесла, так и его главного инструмента – топора. Топор был главным и незаменимым орудием, с его помощью человек подчинял себе лес. Икона как священный образ являлась хранителем крестьянина: ее несли впереди, когда шли с топорами в лес – валить деревья или отражать нападение врага [30. С. 56–57]. Топор – это универсальный инструмент в руках северного плотника, с помощью которого *«можно и дом построить, и ложку вырезать»* [4. С. 784]. Сакрализация плотницкого ремесла порождала оппозицию «святое / нечистое». Это зависело от специализации плотницкой артели. Плотники, строившие дома или хозяйственные постройки, наделялись нечистой, колдовской семантикой: *«с плотниками, которые избу рубят, надо честно обходиться, чтобы они не заговорили избы на голову хозяина»* [Там же. С. 109]. Строители храмов, напротив, считались святыми людьми, наделенными божественной силой.

Такое противопоставление двух ипостасей сакрального по своей природе плотницкого мастерства основано также на оппозиции «дом / храм», что соразмерно микрокосмосу / макрокосмосу. При строительстве храмов и часовен северные плотники готовились к работе заранее в плане духовного очищения от мирской скверны. Накануне они мылись в бане, воздерживались в еде, не употребляли спиртные напитки, не использовали в своей речи бранные выражения и, когда приступали к работе, надевали чистую одежду.

Оппозиция «дом / храм» позволяет объяснить глубинную семантику мотива священного топора. Предание о построении Преображенской церкви на острове Кижи гласит, что построил ее легендарный мастер Нестер и *«на одном бревне он вырубил: “Церковь эту построил мастер Нестер, не было, нет, и не будет такой...” Нестер со священным топором поднялся до последней главки, привязал до креста алую ленту, а топор закинул в озеро и поклялся, что такого чудесного храма нет нигде, и не будет больше никогда, и топор этот никто не найдёт. И тогда начали святить церковь, а Нестера больше никто не видел»* [16. С. 45–46].

Мотив заброшенного священного топора раскрывает глубоко укорененную в массовом сознании мифологическую идею завершенности храма, его уникальности и неповторимости. Храм устремлен к небу, к горнему духу, он всегда закончен в строительстве. Это подчеркивает различие между сакральным характером строительства храма и профаническим характером строительства дома. Последнее не знает конца, никогда не достигает завершенности, поскольку окончание строительства дома знаменует смерть главы семьи или кого-либо из домочадцев [31. С. 101].

По воззрениям русского крестьянства, плотники, как и представители других древнейших профессий, обладали не только производственными функциями.

Им приписывались тайные способности, знания, контакты с нечистой силой, лесом, причем считалось, что чем выше их мастерство, тем сильнее их скрытые способности [17. С. 56]. В с. Кимжа Мезенского района в интерьере крестьянской избы автором исследования было зафиксировано *«злыднево дерево»* – нарост на бревне, использованном для строительства дома в 1909 г. По воспоминаниям хозяйки, он приносит несчастье его владельцам. *«Два их в доме – над печкой и за печкой. Это злыднево место. Люди не живут. У кого купили дом, были бездетны. И у нас дочь умерла»* [1. С. 107].

О плотниках и печниках распространены в народе многочисленные рассказы, свидетельствующие о том, насколько мстительны и недоброжелательны эти люди, когда им недоплачивают условленной суммы хозяева и подрядчики. Плотники могли сделать так, что построенный ими дом оказывался непригодным для проживания, так как в нем «поселялась нечистая сила». «Особенно дурной славой пользовались те из плотников, которые известны своим мастерством, вроде костромских галичан, знаменитых владимирских “аргунов”, вологодских, вохомских» [21. С. 186]. Существует много рассказов о том, как плотники, если хозяева их недостаточно ублажили, в отместку делали так, что при ветре в избе выло и стонало. Для этого они вставляли между стен бутылочное горлышко или прилаживали под коньком кровли длинный ящичек, набитый берестой, – и в ветреную погоду слышался плач и вой, вздохи и крики. Или засыпали в пазы между венцами сруба щепочки, которые мешали плотной осадке бревен, и в этих местах всегда продувало и промерзало.

Деревянное зодчество – особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В своем уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мировоззрение всех слоев русского общества. Русский Север в истории и современном опыте отечественной культуры – хранитель памятников древней народной культуры, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. Традиционная строительная обрядность выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Севера оберегали свои сакральные ценности. Выбор деревьев, которые использовались в народной архитектуре, определялся бытовыми, прагматическими свойствами тех или иных пород в сочетании с мифопоэтическими и христианскими представлениями о сакрально-символических «влияниях» этих пород или знаковых деревьев на жизнь как конкретного человека, так и сообщества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : Правда Севера ; Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.
2. Пермиловская А.Б. Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник : научный журнал. 2015. № 3. С. 362–365.

3. Грабарь И.Э. История русского искусства : в 6 т. М. : И. Кнебель, 1910. Т. 1: Архитектура. До-петровская эпоха. 508 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / совмещ. ред. В.И. Даля, И.А. Бодуэна де Кортенэ в соврем. написании. М. : Олма-Пресс, 2002. Т. 2. 1118 с.
5. Евдокимов И.В. Север в истории русского искусства. Вологда : Изд. Союзов сев. кооп. союзов, 1921. 224 с.
6. Попов А., Шургин И. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга. М. : Мастерская архитектора-реставратора А. Попова, 1993. 17 с.
7. Милославский М.Г. Инструмент для обработки дерева // Труды Института истории, естествознания и техники АН СССР. М., 1956. С. 44–48.
8. Грабарь И.Э. О русской архитектуре: Исследования. Охрана памятников. М. : Наука, 1969. 423 с.
9. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М. : Искусство, 1974. 191 с.
10. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста. М. : Индрик, 1999. 375с.
11. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Гл. ред. вост. лит., 1991. 511 с.
12. Зеленин Д.К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. 1911. Вып. 1/2. С. 1–20.
13. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск : Правда Севера, 2005. 312 с.
14. Славянская мифология : энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М. : Междунар. отношения, 2002. 512 с.
15. Копалинский В. Словарь символов. Калининград : Янтар. сказ, 2002. 267 с.
16. Кричинная Н.А. Предания Русского Севера. СПб. : Наука, 1991. 325 с.
17. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983. 190 с.
18. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Каргопольский район // Архив АГМДЗНИ «Малые Корелы». № 1134. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 15.
19. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
20. Логинов К.К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. 185 с.
21. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. : Т-во Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.
22. Зеленин Д.К. Тотемы деревьев в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 1937. 78 с.
23. Агапкина Т. О «чертовом» дереве осине... // Родина. 1995. № 5. С. 115–117.
24. Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. 157 с.
25. Конка А.П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
26. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский р. // Личный научный архив А.Б. Пермиловской. Информант Дерягина Евлалия Михайловна, г.р. 1921, м.р. и м.п. – с. Кимжа, Мезенский район, запись 2004.
27. Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск : Правда Севера ; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 552 с.
28. Иванова А.А., Калущков В.Н. Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Поморские чтения по семиотике культуры : сб. науч. ст. / сост. Н.М. Теребихин [и др.]. Архангельск : Помор. университет, 2008. Вып. 3 : Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. С. 180–196.
29. Иванова А.А., Калущков В.Н. Светлое Пинежье: путешествие по краю : справочник-путеводитель. Архангельск : Правда Севера, 2008. 165 с.
30. Биллингтон Д.Х. Икона и топор : опыт истолкования истории русской культуры : пер. с англ. М. : Рудомино, 2001. 880 с.
31. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993. 223 с.

Permikovskaya Anna B. N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russia). E-mail: annaperm@fciarctic.ru

CONSTRUCTION TRADITIONS AND RITUAL OF THE NORTHERN WOODEN ARCHITECTURE

Keywords: construction ritual; carpentry craftsman; sacred trees; Russian North; Arctic.

The empirical base of this work was the material of 34 expeditions, which were surveyed 368 settlements of the Arkhangelsk, Vologda regions, Karelia. The history of the Russian wooden architecture is largely the history of the wooden architecture of the European (Russian) North. The author proceeds from the synonymous meaning: Russian and European North. “The country of architects” in such a way Igor Grabar called the Russian North. Pine, spruce, larch, aspen were the main construction materials used. Folk architects highly valued wood as a building material, its abundance and cheapness, its ability to keep heat in the house, its durability and, at last, its ability to be used for erecting wooden structures within a short period of time and practically in any season. The carpenter could make practically everything with an axe: “Let a peasant have an axe and he will fix even a clock”. Besides an axe, a scraper for dressing logs, an adze for grooving, a chisel and glade for punching logs and bars entered a set of carpenter tools. A hammer, a sledge hammer and a line bar were also used in a building practice. Besides, rather diverse nail tools and hardware were used. But their cost was high enough, therefore peasants preferred building without nails, applying wooden nails – “dowels”, or using a minimum number of iron nails. From ancient times there existed special “wood-chip bazaars” in Russia where dismantled houses, barns and bath-houses, small church buildings were sold. The socialization of carpentry, which took place in the North, gave rise to opposition: holy/evil. Representations of carpenters who built dwelling or outbuildings included unclean, “witchcraft” semantics: “with the carpenters who cut the house, we must be honestly, so that they “don’t speak” the houses on the owner head”. On the contrary, the temples builders were considered holy people, endowed with divine power. The choice of trees was great importance for construction not only in practical, but also in its sacred meaning. There were a whole series of trees not used for construction. Cultured trees, groves and stones were the object of veneration and sacrifice, the place of sacral rites and the analogue of the temple. The trees grown by man and located within the farmstead carried a sacred meaning, it was forbidden to use them during construction. The tree planted near the house embodied the idea of continuity of the family, as well as the house itself. If one thing ceases to exist, the other object partially compensates for the loss. Traditional construction rituals acted as an integral sign system, it helped the Northern peasants to preserve their sacred values. The choice of trees was determined by every day, pragmatic property of various breeds with the mythological and Christian beliefs combination.

REFERENCES

1. Permikovskaya, A.B. (2013) *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural meanings of the Russian North folk architecture]. Ekaterinburg: Urb RAS; Arkhangel'sk: Pravda Severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
2. Permikovskaya, A.B. (2015) Russian Arctic Cultural Space. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp. 362–365. (In Russian).
3. Grabar, I.E. (1910) *Istoriya russkogo iskusstva. V 6 t.* [History of Russian art. In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: I. Knebel.
4. Dal, V.I. (2002) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Olma-Press.
5. Evdokimov, I.V. (1921) *Sever v istorii russkogo iskusstva* [North in the history of Russian art]. Vologda: Izd. Soyuzov sev. koop. Soyuzov.

6. Popov, A. & Shurgin, I. (1993) *O vossozdanii russkoy plotnichnoy tekhnologii XVII – XVIII vv. pri restavratsii tserkvi Dmitriya Solunskogo v sele Verkhnyaya Uftyuga* [On the re-creation of Russian carpentry technology of the 17th – 18th centuries during the restoration of the Dmitry Solunsky Church in Verkhnyaya Uftyuga]. Moscow: A. Popov's Workshop.
7. Miloslavsky, M.G. (1956) Instrument dlya obrabotki dereva [A tool for wood processing]. In: *Trudy Instituta istorii, estestvoznaniya i tekhniki AN SSSR* [Proceedings of the Institute of History, Natural Sciences and Technology of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: [s.n.]. pp. 44–48.
8. Grabar, I.E. (1969) *O russkoy arkhitekture: Issledovaniya. Okhrana pamyatnikov* [On Russian architecture: Research. Protection of monuments]. Moscow: Nauka.
9. Chekalov, A.K. (1974) *Narodnaya derevyannaya skulptura Russkogo Severa* [Folk wooden sculpture of the Russian North]. Moscow: Iskusstvo.
10. Tsivyan, T.V. (1999) *Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira: issledovaniya po strukture teksta* [Movement and path in the Balkan model of the world: research on the structure of the text]. Moscow: Indrik.
11. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Gl. red. vost. lit.
12. Zelenin, D.K. (1911) "Obyednyye" polotentsy i obyednyye khramy ["Ordinary" towels and ordinary temples]. *Zhivaya starina*. 1/2. pp. 1–20.
13. Permilovskaya, A.B. (2005) *Krest'yanskiy dom v kul'ture Russkogo Severa* [The peasant house in the Russian North culture]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
14. Tolstaya, S.M. (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
15. Kopalinsky, V. (2002) *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Kaliningrad: Yantar. Skaz.
16. Krinichnaya, N.A. (1991) *Predaniya Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg: Nauka.
17. Bayburin, A.K. (1983) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and performances of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka.
18. Permilovskaya, A.B. (1984) Otchet po ekspeditsii v Kargopol'skiy rayon [Report on the expedition to Kargopol region]. Archive AMMDZNI "Small Korely". №1134. Arkhangel'sk. pp. 15
19. Shchepanskaya, T.B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Indrik.
20. Loginov, K.K. (1992) O zhertvoprinosheniyakh v Zaonezh'e [On the sacrifices in Zaonezhie]. In: Fishman, O.M. (ed.) *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Rites and beliefs of the peoples of Karelia]. Petrozavodsk: KSC RAS.
21. Maksimov, S.V. (1903) *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Undead, unknown and godmother power]. St. Petersburg: T-vo Golike i A. Vil'borg.
22. Zelenin, D.K. (1937) *Totemy derev'ev v skazaniyakh i obryadakh evropeyskikh narodov* [Totems of trees in the legends and rites of European nations]. Moscow: [s.n.].
23. Agapkina, T. (1995) O "chertovom" dereve osine... [On the "goddamn" aspen tree]. *Rodina*. 5. pp. 115–117.
24. Loginov, K.K. (1993) *Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya russkikh Zaonezh'ya* [Material culture and industrial magic of Russians in Zaonezhie]. St. Petersburg: Nauka.
25. Konkka, A.P. (2013) *Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiysko-finskikh narodov* [Karsikko: sign trees in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
26. Permilovskaya, A.B. (2004) *Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy r.* [Report on the expedition to Mezensky District]. Personal archive of A.B. Permilovskaya. Informant Deryagina Evlalia Mikhailovna, born 1921. Recorded in Kimzha, Mezensky District.
27. Permilovskaya, A.B. (2010) *Russkiy Sever kak osobaya territoriya naslediya* [Russian North as a special territory of heritage]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
28. Ivanova, A.A. & Kalutskov, V.N. (2008) Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya [Holy Places in the Cultural Landscape of Pinezhie]. In: Terebikhin, N.M. et al. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [Pomorje Readings on the Semiotics of Culture]. Arkhangel'sk: Pomor. Universitet. pp. 180–196.
29. Ivanova, A.A. & Kalutskov, V.N. (2008) *Svetloe Pinezh'e: puteshestvie po krayu* [Light Pinezhie: a trip around the edge]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
30. Billington, J.H. (2001) *Ikona i topor: opyt istolkovaniya istorii russkoy kul'tury* [The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture]. Translated from English by V. Skorodenko. Moscow: Rudomino.
31. Terebikhin, N.M. (1993) *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa* [Sacred Geography of the Russian North]. Arkhangel'sk: Pomor International Pedagogical University.